

О ПРЕДКАХ И СОВРЕМЕННОКАХ

НА СПЕКТАКЛЯХ
ВОРОНЕЖСКОГО
ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

ЛЮБОЙ театральный коллектив знает, как мучительно трудно бывает «развести» репертуар своего театра с театром того города, где будут проходить гастроли. Спрос на новые пьесы со стороны театров значительно превышает предложение их со стороны писателей: интересную пьесу ставят сразу десятки театров, и бывает так, что на улицах городов, отстоящих друг от друга на тысячу километров, видишь совершенно одинаковые афиши.

Одна из главных причин того интереса, с которым встретила Москва приезд Воронежского государственного драматического театра, состоит в том, что из четырех показанных им на гастролях пьес три не идут на московских сценах. Самый репертуар этого коллектива: «местная» пьеса «Алексей Кольцов», созданная воронежским писателем В. Кораблиновым, инсценировка повести Л. Сейфуллиной «Виринея», которая заставит старых театралов вспомнить знаменитый спектакль Театра имени Евг. Вахтангова, обращение к пьесе сибирского писателя В. Лаврентьева «Иван Будацев», — все это уже заранее располагает к театру, ищущему свою дорогу в искусстве, стремящемуся по-своему рассказать о жизни прошедших лет, о предках своих и о тех, кто сегодня строит новую жизнь. А знакомство со спектаклями окончательно укрепляет это расположение.

О лучшем из них — «Алексее Кольцове» — уже написано нашей прессой много добрых слов. Возмущенный, необычный спектакль, поставленный и сыгранный как бы на едином дыхании, сразу покоряет зрителей.

Бесспорны его актерские удачи: прежде всего сам Кольцов (С. Ожигин) — мягкий без чувствительности, трогательный без сентиментальности, человек, в котором действительно живет большой поэтический талант.

Но успех «Кольцова» — это прежде всего успех режиссера Ф. Шишигина. Ведь на основе той же пьесы Кораблинова, с теми же актерами можно было поставить обычный спектакль — серию картин, иллюстрирующих биографию поэта. Но Шишигин не пошел проторенной дорогой. Он отыскал для своего спектакля ту оригинальную форму, которая позволила воплотить на сцене недолгую и горькую жизнь гениального сына воронежского прасола.

Драма-песня. Это единственно точное определение, выражающее душу, сущность работы театра. Здесь текст пьесы и стихи Кольцова, музыка, хоры и драматическое действие слиты неразрывно. «Песенность» спектакля меньше всего воспринимается как прямолинейное подчеркивание народности Кольцова. Конечно же, это — поэтический условный прием, вряд ли могущий быть использованным в другом биографическом спектакле, но такой органичный для этого рассказа о воронежском поэте, жизнь которого и впрямь похожа на протяжную песню.

Иногда в спектакле или фильме о великом писателе, композиторе или художнике исполнитель центральной роли вдруг начинает «играть вдохновение»: склоняясь над роялем или судорожно исписывая листы бумаги, он старается создать полную иллюзию зарождения замысла художника. Ф. Шишигин смело и верно подчеркивает именно условность этих «сцен вдохновения», и эта условность оказывается более правдивой и волнующей, чем многие внешне правдоподобные решения такой же темы.

Вот Алексей Кольцов в степи, над дымящейся туманом рекой, слушает рассказ бродяги Кирилла о крепостной неволе. Улеглись спутники. Кольцов поднял глаза к россыпи звезд, и вдруг словно легкий ветерок пробежал в тишине, — хор тихо вздохнул «Не шуми ты, рожь...» Хор словно здесь, сейчас складывает песню, нащупывает мелодию — слова постепенно становятся громче, мелодия уверенней, и вот уже гремит над степью песня, к которой изумленно и радостно прислуши-

ваются проснувшиеся мужики и сам Кольцов.

Правда, иногда режиссер как бы сам спускается с завоеванной им высоты: вот тогда-то в «Кольцове» появляется сентиментальность, тогда В. Салопов, вообще-то просто и искренно играющий Белянского, встает в позы, напоминающие парадные портреты, а Кольцов, сидя на кончике дивана, слушает его сентенции. Тогда появляются растянутые сцены, вроде той, где реакционер Дацков плетет интриги против Кольцова. И в постановке такого высокого уровня, такой самостоятельности это особенно режет глаз и слух.

Постановка «Виринея» по повести Л. Сейфуллиной (режиссер Ф. Шишигин, художник В. Цибин) еще раз доказывает, что внимание к стилистике, к жанру пьесы, настойчивые поиски формы ее воплощения — не исключение, а закономерность в работе Воронежского театра. В «Виринея» нет и следа той условности, которая так уместна в спектакле о Кольцове. Напротив, быт подается во всей его достоверности. Все здесь грубовато, крепко, доподлинно — избы с подслеповатыми окошечками, сложенные из огромных замшелых бревен, распахнутые ворота, через которые бьет красный свет заходящего солнца, ношенные бабьи платки и лямбальные гимнастерки демобилизованных, визгливая песня девок и глухой гул возбужденного народа, собравшегося на сход. Неторопливо звучит тяжеловатый, словно кованный язык Лидии Сейфуллиной, неторопливо проходит перед нами путь «кержачки» Виринея (Л. Макарова) с ее неукротимым жизнелюбием, бунтом против извечной покорной бабьей доли и приходом к правде новых людей — большевиков.

И история огромного, кудлатого Магары (С. Папов) — мужика, который всю жизнь иступленно верил в бога, а потом послал бога к черту, запил, запутался, и, наконец, снова пришел к людям, — рассказана театром с той искренней верой, которая отличает весь этот строгий и крепкий спектакль.

К сожалению, такой самостоятельности, такого приближения режиссерской трактовки к замыслу драматурга нет, думается, в третьем спектакле Воронежского театра, посвященном уже нашим дням. Выбор именно этой пьесы закономерен для коллектива; словно специально для С. Папова написана центральная роль Будацева — старого коммуниста, председателя колхоза, человека резкого и правдивого, доброго и беспощадного. Есть в спектакле и другие несомненные актерские удачи. Но в то же время кажется, что этой работе театра далеко еще до таких принципиальных спектаклей, важных для всего развития нашего театра, как «Алексей Кольцов» или «Виринея». Режиссерское решение И. Бобылева подчас заставляет нас вспомнить спектакли, шедшие лет 10 тому назад, — они фотографически напоминают жизнь, но цельного режиссерского замысла, связывающего воедино все его элементы, не чувствуется.

Режиссер честно прочитал эту пьесу, перенес ее на сцену, но не нашел для нее того неповторимого сценического образа, который отличает «Кольцова» и «Виринею». В этих спектаклях театр с большой смелостью, последовательностью утверждает свое идейное решение, оригинальный образ спектакля. Поэтому гастроли Воронежского театра — хороший пример для других театральных коллективов.

Е. ПОЛЯКОВА